

УДК 882(92)

МРНТИ 17.82.00

<https://doi.org/10.48371/PHILS.2024.73.2.025>

АРХАИЧЕСКИЙ РИТУАЛ И РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА М. ЕЛИЗАРОВА «УКРАДЕННЫЕ ГЛАЗА»)

*Кириенко А.Г.¹

*¹докторант третьего года обучения, Abai University, Алматы, Казахстан
e-mail: anastassiyakiriyenko86@gmail.com, orchid id: 0000-0003-1839-3108

Аннотация. В статье анализируется рассказ «Украденные глаза» из сборника М. Елизарова «Кубики» (2008) в аспекте когнитивного и психоаналитического литературоведения. Исследуется архаический ритуал, выступающий в качестве движущей и централизующей силы построения сюжета и мотивации действий персонажей, религиозное сознание и практики «народного православия», актуализированные в переломные годы постсоветской эпохи. Псевдоокультурная литература, попавшая в открытый доступ в конце 1990 годов, оказалась востребованной в повседневной жизни людей, утративших за годы советской власти практику церковной жизни. В статье мы рассматриваем, как функционирует подобный симбиоз «деревенской магии» и «народного православия» в художественной литературе на примере рассказа М. Елизарова «Украденные глаза». Исследование отдельных ритуальных практик, бытующих в сельской местности и описанных в рассказе, даёт ключ к пониманию и интерпретации не только анализируемого рассказа, но также проводит параллель с другими работами автора, которые прежде рассматривались в основном с ракурса деконструкции советского мифа. В статье также приводятся результаты медицинского эксперимента, проводимого с целью наблюдения за работой головного мозга во время молитвы и наблюдения о психическом состоянии людей, пребывающих в состоянии «одержимости» и религиозного психоза, схожими по динамике развития с состоянием главного героя. Значимость представленного исследования состоит в том, что проза М. Елизарова в предшествующих статьях не была рассмотрена и изучена с привлечением методов когнитивной поэтики и психоаналитического литературоведения. В опубликованных ранее работах ритуал рассматривается как побочное действие вследствие деконструкции советского мифа. В настоящей статье отображена централизующая роль архаического ритуала, который направляет ход повествования. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты можно использовать в составлении материалов курсов литературоведения, новейшей русской литературы, психоаналитического литературоведения.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, психоаналитическое литературоведение, архаический ритуал, религиозное сознание, прелиминарные обряды, постмодернистский текст, религиозный психоз, суеверие

Основные положения

Присутствие мифа и архаического ритуала в качестве отдельного, движущего текст, универсума, упорядочивающего и объединяющего все линии сюжета воедино, является общей и отличительной тенденцией современной русской прозы постмодернизма. В произведениях признанных авторов постмодерна - Юрий Мамлеев, Виктор Пелевин и Владимир Сорокин, архаический ритуал, выступающий в симбиозе с метафизическим реализмом, буддизмом и поэтикой соцреализма, образует единую, на первый взгляд,

хаотичную систему, код, который при верной дешифровке даёт ключ к целостному пониманию текста.

Стремление к включению разного рода ритуалов в текст свойственно и М. Елизарову. Запустив подспудную работу «охоронительного» ритуала в первой крупной повести «Ногти» (2001), он продолжил «ритуальную технику письма» и в последующих произведениях, возведя её в апогей в романе «Земля» (2020). Однако в обширный корпус произведений М. Елизарова, включающий отмеченные премиями романы и сборники рассказов - «PASTERNAK» (2003), «Библиотекарь» (2007), «Мы вышли покурить на 17 лет» (2012), «Земля» (2020) не совсем вписывается сборник рассказов «Кубики» (2008) [1]. Стилистика его повествования, схожая с протокольными или дневниковыми записями, на первый взгляд, не имеет ритуального подтекста, но именно завуалированный ритуал перехода из одного статуса (холостой горожанин) и не закрепления в другом (супруг, житель села) направляет ход сюжета.

Введение

В статьях, посвящённых исследованию творчества М. Елизарова, чаще всего на передний план выступает «советский дискурс». При этом Б.А. Ханов отмечает его неоднородность, указывая, что «в ранних произведениях он выполняет мотивирующую функцию, создавая ситуацию “слома”, в рамках которой происходит самоопределение личности, позднее оформляющееся в советский дискурс» [2]. Д.Ю.Юрьев рассматривает проблему ностальгии и самоидентификации героя и творческой личности М. Ю. Елизарова, исследуя авторские стратегии, балансирующие на грани постмодернистских и реалистических практик. Анализируя сборник рассказов «Кубики», Д.Ю. Юрьев выводит на первый план псевдодокументальность, упуская при этом ритуальную и обрядовую составляющие [3].

Описание материалов и методов

Сюжет рассказа «Украденные глаза» из сборника М. Елизарова «Кубики» повествует о случае в посёлке Пресненское, где некогда жила «нехорошая» семья Липатовых. Ходили слухи, что и родители, и их повзрослевшие дети «ведьмачат». Затягивая зятьёв и невест в семью, Липатовы постепенно сживали их со свету, отнимая душу. Рассказ изобилует подробностями наведения порчи, сглаза, хвори с использованием псевдомагических предметов, например, узелок с кладбищенской землёй, куриная голова, иголки. Покончить с этим бесовским вертепом получается только у третьего зятя, Малышева. Выпивая после работы с мужиками в гараже, он узнаёт, что семья, в которую он попал, славится своими нехорошими делами на весь посёлок, а дом их обходят стороной. Малышев спрашивает у коллег адрес второго мужа Марины Липатовой – Максима Агеева, который слеп и немощен. В том, что тот стал калекой, он обвиняет Марину Липатову и всё их семейство. Он считает, что именно их колдовские манипуляции сделали его инвалидом. Агеев даёт Малышеву чёткие указания и инструкции, как сжить со свету проклятую семейку.

Рассказ «Украденные глаза» во многом схож с «письмами читателей», которые публиковались в приписанном авторству сибирской целительницы и ведуньи Натальи Степановой книге «7000 заговоров сибирской целительницы» [4]. Данная литература была востребована на постсоветском пространстве в переходный период после развала Советского Союза. Оказавшись на перепутье и утратив идеологический фундамент, постсоветский социум обращается за ориентирами к оккультной литературе и деревенской магии. В книгах Натальи Степановой публикуются письма читателей, которые вроде бы искренне верят, что, читая в положенное время и в надлежащих условиях заговор или молитву, в которых упоминается имя Бога, Богородицы, либо троицы, можно излечиться, привлечь удачу и богатство или вернуть любовь. Читать данные заговоры (молитвы) нужно, обязательно повторяя текст три раза.

Интерес к подобного рода жанрам в немалой степени связан с желанием переложить ответственность на сверхъестественные силы – это вариант проявления религиозного сознания (восприятия), так как с психофизиологической точки зрения религиозное сознание является специфической формой общения и обращения к Богу (сверхсиле). Молитва или, как в случае со знахарскими практиками, заговорные слова, шепотки – это способ прямого обращения к некой сверхсиле, просьба о защите и покровительстве.

В исследовании, проводимом Б.Ю. Мейлековским [5], Н.И. Музалевской [6], В.М. Урицким [6], А. Н. Подпориным [7] на базе научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, приводятся результаты изучения частотной структуры электроэнцефалограмм (ЭЭГ). Исследование проводилось с группой добровольных испытуемых, имеющих опыт регулярной христианской молитвы. Группа испытуемых из 6 человек включала 4 священнослужителя и двух мирян. Полученные результаты исследования обосновывают предположение о принадлежности молитвы к классу особых физиологически нормальных функциональных состояний головного мозга, ответственных за эволюционно первичные формы восприятия окружающей мира и обусловленных доминированием медленных мозговых процессов при сохранении функций сознания.

В ходе эксперимента испытуемые мысленно читали христианские молитвы, а также стихи светского содержания. При чтении молитвы и стихов активность головного мозга испытуемых была снижена. Энцефалографические характеристики значительно отличались от состояния бодрствования и поведения в повседневной жизни. Было выявлено, что при чтении молитвы деятельность мозга соотносится с наиболее ранним (первобытным) уровнем сознания, возникающим задолго до социализации субъекта. Таким образом, можно констатировать, что христианская молитва относится к разряду особых, физиологически нормальных состояний головного мозга, связанных с необходимостью реализации трансцендентных форм восприятия при религиозном общении и несовместимых с обычным

состоянием сознания взрослого человека. Именно такими свойствами обладает психофизиологическое состояние, аналогичное «медленному сну».

Состояния заторможенности, пребывание персонажа между наявю и явью описываются на протяжении всего анализируемого рассказа. Бывший муж Марины Липатовой, Максим Агеев, слеп. Он рассказывает нынешнему Малышеву, что его «сглазили» – отняли глаза (душу). Кто-то другой, потусторонний теперь наблюдает мир его глазами, а к нему зрение возвращается ненадолго, лишь когда «иной» спит. Агеев даёт Малышеву ряд наставлений, как уберечься от сглаза и сжить со свету колдунов. Одно из условий – чтение молитвы «Спаса купи, над кроватью повесь, молитвы читай – помогает» [1]. Молитва в данном случае должна выступать в качестве оберега Малышева от тёмных дел семьи его жены. Сам не осознавая, он обращается к высшим силам, которые давали защиту ещё в древние времена. Зло, исходящее от семьи Марины, первобытное, уходящее корнями в язычество. Слова молитвы призваны создать щит, оберегающий Малышева от колдовства и порчи.

Появление первых православных икон в конце X века и школ, зародившихся в недрах церкви с Крещением Руси, было неразрывно связано с языческими верованиями и представлениями о мироустройстве, откуда впоследствии сложилась бытующая по сей день традиция «народного христианства» (православия) [8]. Народное христианство как форма смешанного синкретического мировоззрения сочетает в себе православный канон, языческие верования, понятия добра и зла, а также нормы человеческого общежития (институт семьи), народную демонологию (домовые, лешие), народный календарь (святки, день Ивана Купала) [9].

В народном христианстве сложилась самобытная традиция трактовки и исполнения канонических христианских обрядов, перемежающаяся с ритуалами, суевериями и «народной магией», с использованием и икон в качестве магических артефактов. В книге Н. Степановой приводятся памятки, списки необходимых предметов для совершения обрядов «белой магии». Помимо стереотипного представления о колдовских атрибутах, как сушёные жабы, различные травы и корни, зубы и лапки животных, предметы, с которыми соприкасался покойник (мыло, расчёска, лоскут савана), здесь можно встретить венчальную свечу, просфору, святую воду и иконы [4]. Также в книге приведены заговоры, помогающие в решении различных жизненных проблем с привлечением так называемой «церковной магии». Как правило, это обряды, тайно совершаемые в стенах храма и завуалированные под молитву и традиционные ритуальные действия. Среди наиболее частых это свеча за упокой ныне здравствующему, либо заговоры на исцеление, требующие заказа молебна за здоровье в трёх церквях.

Подобный пример колдовских действий приводится и в рассказе «Украденные глаза»:

«Одна девушка из Пресненского должна была замуж выйти за старшего сына Липатовых. А потом расхотела и за другого пошла. И почти сразу после свадьбы начались у неё болезни <...> и она умерла. Вещи её перебирали,

нашли свадебную фату, и на ней был крест вырезан и вышита буква «Л» – сокращенно то ли «Липатов», то ли «Лукавый». Все в Пресненском догадывались, чьих это рук дело. А когда поминали по умершей девять дней, то к ним пришла старая Липатова и говорит: «Я так рада, так рада, так рада, что её запечатали в церкви». Колдуны всегда рады чьей-то смерти и должны трижды говорить правду, вот Липатова и сказала: «Рада», а словами про церковь свою правду завуалировала» [1].

Можно предположить, что душевное состояние, главного героя Малышева, это религиозный невроз, переходящий далее в психоз. Не случайно автор в начале произведения упоминает, что Малышев третий муж и третий зять. Троица, как наиболее древний символ христианства, несёт в себе миссию положить конец злодеяниям ведьмачащей семьи. Малышев, который до пересудов на работе о семье Липатовых жил вместе с ними хорошо, начинает подмечать множество «странностей». Его «опаивают», «окармливают» и делают «подклад». Состояние религиозного невроза диктует Малышеву разделение на «чужих» (иных) и «своих» (праведных). Поведение Малышева меняется, в нём отчётливо проявляются обсессивные черты. Малышев становится одержим идеей расправы посредством совершения ритуала, который ему подсказал прежний муж Марины. Для ритуального убийства необходим колдовской нож, найденный в полночь на перекрёстке трёх дорог. Малышев, как и свойственно обсессивным невротикам, тщательно исполняет все осторожные действия и для успокоения и снижения тревоги пробует читать православные молитвы.

«От молитв Малышеву становится хуже. Живот ходит волнами, появляется какое-то ускорение в глазах, из желудка в горло поднимается ком, колет в лёгких, словно внутри оторвалась кость. Малышев отрыгивает длинный ноготь. Малышев пытается молиться, но из него начинает идти хриплый голос. Малышев, к примеру, читает:

– Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, - а голос говорит: - Не веруй, не веруй! – Аминь, – а голос возражает – Не аминь! Не аминь!» [1].

Данное состояние Малышева не что иное как психосоматические проявления усугубляющегося религиозного психоза. В колдовской практике существует множество вариантов совершения так называемого «подселения», когда человеку через еду, питьё, а также нащёптываниями и наговорами присовокупляют некую сущность, вследствие чего он становится «одержимым».

В Большой Медицинской Энциклопедии под редакцией А.Н. Семашко приводится определение «бесоодержимости» [10]. Бесоодержимость (демономания) – определение, складывающееся из наблюдений за речью и действиями человека, исходящими от вселившегося в него и овладевшего его сознанием «духа зла». Наиболее часто бред безоодержимости встречается у психически больных при маниакально-депрессивном психозе (меланхолии) и при шизофрении. В первом случае он формируется из подавленного настроения с ощущением собственной греховности; у шизофреников он складывается из обманов мышечного чувства (ощущение положения частей

собственного тела относительно друг друга и в пространстве), дающих больному ощущение направленности его действий извне и своеобразного расстройства мышления, свойственного этой болезни. Идея бесоодержимости встречается также у истеричных больных, таким образом объясняющих отдельные видимые проявления своего заболевания (судорожные припадки, произвольные, хаотичные действия и др.) [11]. Взгляд на душевнобольных как на одержимых «злыми духами» более свойственен малокультурным народам, у которых по сей день превалирует языческое мировоззрение.

Результаты и обсуждения

В литературе и кинематографе представлены различные случаи избавления от «бесоодержимости». Подробно описаны и показаны обряды «изгнания беса» или экзорцизма. Однако на текущий момент РПЦ не урегулировала практику по изгнанию бесов. Данные обряды проводятся тайно и негласно священником, при условии, что факт душевного заболевания исключён [12].

Малышев одержим. Его не отпускает идея расправы с Липатовыми, его расстройство переходит в маниакальную фазу. К расстройству психики подключается и галлюциногенный фон. Малышев находит перекрёсток трёх дорог, едет туда ночью, в новолуние, и действительно находит там нож. На семейном застолье ему чудится, будто у тестя из уха выползает сороконожка. Он подмечает странности в быту днём, а ночью видит странные сны, которые кажутся ему явью. В одном из таких снов он видит сцену убийства. Тесть и тёща заводят человека в лес, где принуждают его застрелиться, после чего тесть вытаскивает у покойника глаза и кладёт их в карман. Таким образом они отнимают душу покойного. Первый муж Марины Липатовой говорил, что у него отняли глаза, то есть «сглазили».

Вера в сглаз как наиболее распространённая форма народных суеверий также является одной из форм проявления невроза. Человек, страдающий неврозом, может испытывать всё те же, на первый взгляд, беспричинные проблемы со здоровьем, которые приписывают действию сглаза. Малышеву кажется, что холодец, которым его регулярно кормят дома, вытесняет из него сущность (самостность). С каждым приёмом пищи он словно теряет частицу себя.

Однозначной трактовки такого феномена, как сглаз, в научной литературе на сегодняшний день нет. Например, в статье «Глаз дьявола» (Evil eye: The History of the ancient curse), опубликованной в журнале «Life Science» Б. Рэдфорд приводит различные примеры проявления «дурного глаза» у людей (депрессия, рвота, общее недомогание, бессонница), животных (падёж скота), так и в проявлении природных катаклизмов (засуха, наводнение).

Одной из форм защиты от сглаза является использование различных оберегов. Это могут быть украшения с изображением зрачка, красные нити на запястье, ношение одежды определённых цветов, иконы. Пытаясь защититься, Малышев по совету второго мужа Марины начинает носить дома красную футболку вместо белой, а над кроватью вешает на булавку икону Спаса

Оплечного («Спас Ярое Око»). На ночь он зажигает в комнате церковные свечи и читает из молитвенника всё подряд. Но эти ритуалы уже не работают. Обсессия усиливается, и он понимает, что пора действовать. Он берёт на работе две канистры с бензином и освещает их в церкви, ставит первую заупокойную свечку, а затем ещё по одной в трёх церквях. Вернувшись домой, он отмечает, что тесть и тёща занемогли. Над тестем кружат зелёные мухи, а у тётчи землистый цвет лица. В ночь перед расправой Малышева вновь мучают галлюцинации, а на утро он обнаруживает, что икона над кроватью полиняла, булавка проржавела, а глаза Спаса налились кровью. Выйдя в сени к тестю и тётчи, он видит их смятение и суету, тёща крестится, глядя в зеркало.

Малышев решает действовать, вонзает тестю нож в живот и наносит несколько ударов тётце. Но они не умирают, а сыплют проклятьями и угрозами, что всё равно заберут его глаза. На шум приходит супруга Марина и, увидев Малышева с ножом, обращается в собаку. В распространённом представлении об оккультных воплощениях животным-двойником колдуна наиболее часто является чёрная кошка, считающаяся символом неудач. Семья Малышевых, промышлявшая церковной магией и активно работавшая с иконами, скорее всего использовала для воплощения образ Святого Христофора Псеглавого. Его лик с головой пса был написан на Урале в г. Невьянске, где на протяжении долгого времени бытовало старообрядчество [13].

Пребывающий в состоянии острого психоза, Малышев сваливает «говорящие трупы» в подпол, окропляет весь дом бензином и поджигает. Далее следует череда убийств. Малышев берёт в сарае ружье и отстреливает соседей, спешащих потушить пожар, принимая их за колдунов, состоящих в сговоре с Липатовыми.

Состояние острого психоза обычно является следствием нарушения работы дофамина в головном мозге [14]. Дофамин – вещество, способствующее передаче импульсов между нервными клетками. Давняя легенда, ходившая по деревне о семье Липатовых, в которую Малышев вошёл примаком, явилась для него первичным сильным переживанием, стимулятором. Заболевший якобы от колдовских деяний прежний муж Марины укрепил в Малышеве зародившиеся сомнения. Малышев переехал к семье супруги из города в село, где народные верования, «деревенская магия» и церковные обряды переплетаются.

Заключение

Обскурантизм и мракобесие окружающих Малышева сельчан создают благоприятный фон для развития психоза, апогеем которого становится массовое убийство. Малышев не случайно поджигает дом, именно очистительная сила огня, известная со времён зарождения зороастризма, должна очистить, исцелить землю от нечисти. Прибывшая на место пожара милиция, улучив момент, валит Малышева с ног, отнимает ружье и в ярости бьет ногами по голове, лишая зрения. Сам же Малышев считает, что потусторонним силам всё-таки удалось «отнять глаза».

Мифологическое мировоззрение и трактовка жизненных процессов с точки зрения магии и колдовства, присущие жителям села Пресненское, в рассказе М. Елизарова «Украденные глаза» представляет собой коллективное заблуждение, маркирует отсутствие логики и критического мышления. Так им гораздо легче объяснить собственные неудачи, обвиняя колдунов и перекладывая ответственность на нечто, что выше и сильнее, чем они сами.

Постоянно угнетаемый в семье, Малышев ищет причину всех бед в колдовстве, направленном против него. Этому в немалой степени способствует массовое обращение к магии в селе. Советский союз рухнул; труженики, рабочие люди сёл, окраин лишились нравственной и моральной опоры. Знахари, народные целители, ведьмы заняли нишу инженеров судеб и властителей дум. Хлынувший поток информации о якобы чудодейственной силе заговоров и обрядов породил в людях первые зачатки невроза, предтечей которого и стал крах стабильного и предсказуемого прошлого. Сельчане, до перестройки состоявшие в партии и бывшие активными коммунистами, обращаются к церкви. Но церковь не даёт надежды на быстрое решение проблем и бед. Симбиоз «народной» магии, религиозных практик и языческих верований – в этом ищет спасения заблудшие, ищущие умиротворения души.

Малышев, переехавший из города в село, не готов воспринимать такую действительность; его невроз, переросший в психоз и приведший к массовому убийству, демонстрирует разрыв поведенческих установок в сознании жителя мегаполиса, урбанизированного и далёкого от естества природы. После свадьбы Малышев не начал жить обособленно «своим домом». Он вошёл в семью и начал жить по укладу и правилам дома Липатовых, а, следовательно, не прошёл прелиминарный обряд, не отделился и не оформился с супругой в отдельную ячейку, семью [15]. Положение примака, сельские пересуды, социально-бытовая неустроенность, царившая в тот период в стране, спровоцировали невроз, который далее перешёл в стадию психоза и достиг трагического апогея.

Несмотря на обширный корпус произведений М. Елизарова, круг сквозных тем (переход и неприятие новых реалий жизни, ритуальный и советский дискурс, самоидентификация героя) и магистральный персонаж эволюционируют, но, по сути, это те же объекты, подвергшиеся метаморфозам. Ритуалы, присутствующие как в малой, так и в романной прозе автора, закольцовывают и соединяют воедино всю канву повествования, раскрывая замысел каждого, на первый взгляд, случайного действия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Елизаров М.Ю. Кубики. М.: Ад Маргинем, 2008. -135-168 с.
- [2] Ханов Б.А. Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М.Ю.Елизарова «Библиотекарь» // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – Т.157. – № 2. – С. 229-238.
- [3] Юрьев Д.Ю. Псевдодокументальное начало в сборнике рассказов М.Елизарова «Кубики» // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2015. – № 4 (216). – С. 123-127.

- [4] Степанова Н.И. 7000 заговоров сибирской целительницы. – М.: Рипол КЛАССИК, 2009. – 992 с.
- [5] Мелейковский Б.Ю., Слезин В.Б., Веревкина С.В. Анализ нейрональных процессов в активирующих системах крысы при выработке инструментального оборонительного рефлекса // Ж.высш.нerv.деят. – 1989. – Т. 39. – № 2. – С. 278-302.
- [6] Музалевская Н.И., Урицкий В.М. Стохастические методы функциональной диагностики и коррекции в медицине // Телемедицина: новые информационные технологии на пороге XXI века. – СПб: Анатолия, 1992. – С. 209-318.
- [7] Подпорин А.Н., Слезин В.Б., Калер Х. Попытка осмысления психологических структур личности с физиологических позиций // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. – 1998. – С. 81-85.
- [8] Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. – СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993. – 365 с.
- [9] Садырова М. Ю. Духовная жизнь русского крестьянства на рубеже XIX–XX веков (по материалам Пензенской губернии) // Известия Пензенского педагогического университета им.Белинского В.Г. Гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (15). – С. 126-129.
- [10] Большая медицинская энциклопедия / главный редактор Семашко Н.А. – М.: «Советская энциклопедия», 1936. – 407 с.
- [11] Курс общего учения о душевных болезнях / Проф. Осипов В.П. – Берлин: Р.С.Ф.С.Р. Гос. Изд-во, 1923. – 738 с.
- [12] «Бог попускает беснование для осознания грехов» РПЦ регламентирует отношения экзорцистов и бесов. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/08/25/15328592>
- [13] Баглай К. «Святой Христофор Псеглавый -почему мученика изображали с головой собаки?» – URL:<https://foma.ru/ikona-muchenika-hristofora-psoglavogo-svjatoj-nosivshij-hrista-na->
- [14] Griswold K. S., Del Regno P. A., Berger R. C. Recognition and Differential Diagnosis of Psychosis in Primary Care // American Family Physician. – 2015. – № 91 (12). – С. 63-856.
- [15] Геннеп А. ван Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. – Москва: Восточная литература РАН, 1999. – 198 с.

REFERENCES

- [1] Elizarov M. Kubiki (The Cubes). – М.: Ad Marginem, 2008. – S. 135-168. [in Rus.]
- [2] Khanov B.A. Svoeobrazie funkcionirovaniya sovetского diskursa v romane M. Elizarova “Bibliotekar” (The originality of the functioning of the Soviet discourse in the novel by M.Yu. Elizarov “The Librarian”) // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2015. – T.157. – № 2. – S. 229-238. [in Rus.]
- [3] Yuryev D.Yu. Pseudodokumentalnoe nachalo v sbornike rasskazov M. Elizarova “Kubiki” (Pseudo-documentary beginning in the collection of short stories by M. Elizarov “Cubes”) // Ezhekvartalnyi retsenziruemyi, referiruemyi nauchnyi zhurnal “Vestnik AGU”. – 2015. – No. 4 (216) – P.123-127. [in Rus.]
- [4] Stepanova N.I. 7000 zagovorov sibirskoi tselitel'nitsy (7000 conspiracies of the Siberian healer). – М.: Rapol CLASSIC, 2009. – 992 s. [in Rus.]
- [5] Meleikovsky B.Yu., Slezin V.B., Verevkin S.V. Analiz neironalnykh protsessov v aktiviruiushchikh sistemakh krysyy pri vyrabotke instrumental'nogo oboronitel'nogo refleksa (Analysis of neuronal processes in the activating systems of the rat during the development of an instrumental defensive reflex.) Zh.vyssh.nerv.deyat. – 1989. – T. 39. – № 2. – S. 278-302. [in Rus.]
- [6] Muzalevskaya N. I., Uritsky V. M. Stokhasticheskie metody funktsionalnoi diagnostiki i korreksii v meditsine (Stochastic methods of functional diagnostics and correction in medicine) Telemeditsina: novye informatsionnye tekhnologii na poroge XXI veka. – SPb: Anatolia, 1992. – S. 209-318. [in Rus.]

[7] Podporin A. N., Slezin V. B., Kaler H. Popytka osmysleniia psikhologicheskikh struktur lichnosti s fiziologicheskikh pozitsii (An attempt to comprehend the psychological structures of personality from physiological positions) // Obozrenie psixiatrii i meditsinskoii psikhologii im. V.M. Bekhtereva. – 1998. – №. 2, – S. 81-85. [in Rus.]

[8] Florensky P. A. Ikonostas (Iconostasis). Izbrannye trudy po iskusstvu. – St. Petersburg: Mithril; Russian book, 1993. – 365 p. [in Rus.]

[9] Sadyrova M. Yu. Dukhovnaia zhizn russkogo krestianstva na rubezhe XIX — XX vekov (po materialam Penzenskoi gubernii) (Spiritual life of the Russian peasantry at the turn of the 19th — 20th centuries (based on materials from the Penza province) // Izvestiia Penzenskogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. Gumanitarnye nauki. – Penza: PGPU imeni V. G. Belinskogo, 2009. – № 11 (15). – S. 126-129. [in Rus.]

[10] Bolshaia meditsinskaia entsiklopediia (Big medical encyclopedia) / glavnyi redaktor N. A. Semashko. – M.: "Sovetskaia entsiklopediia", 1936. – 407 s. [in Rus.]

[11] Kurs obshchego ucheniia o dushevnykh bolezniakh (The course of the general doctrine of mental illness) / Prof. V. P. Osipov. – Berlin: R.S.F.S.R. Gos. Izd-vo, 1923. – 738 s. [in Rus.]

[12] “Bog popuskaet besnovanie dlia osoznaniia grekhov». RPTs reglamentiruet otnosheniia ekzortsistov i besov” (“God allows demonic possession for the realization of sins." The ROC regulates the relations between exorcists and demons). – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/08/25/15328592.shtml> (accessed 04/25/2023). [in Rus.]

[13] Baglai K. Sviatoi Khristofor Pseglavyi – pochemu muchenika izobrazhali s golovoi sobaki? (Saint Christopher Pseglavy — why was the martyr depicted with the head of a dog?). – URL: <https://foma.ru/ikona-muchenika-hristofora-psoglavogo-svjatoj-nosivshij-hrista-na-plechah.html>) [in Rus.]

[14] Griswold K. S., Del Regno P. A., Berger R. C. Recognition and Differential Diagnosis of Psychosis in Primary Care // American Family Physician. – 2015. – № 91(12). – P. 856-63.

[15] Gennep A. van Obriady perekhoda: Sistematischeskoe izuchenie obriadov (Rites of passage: A systematic study of rites). – Moskva: Vostochnaia literatura RAN, 1999. – 198 s. [in Rus.]

ПОСТКЕҢЕСТІК ҚОҒАМДАҒЫ АРХИКАЛЫҚ РЕТ-ТҮРАЛ ЖӘНЕ ДІНИ САНА (М. ЕЛИЗАРОВТЫҢ «НӨРЕЖЕ КӨЗ» ӘҢГІМЕСІ

*Кириенко А.Г.¹

*¹Abai университетінің үшінші курс докторанты, Алматы, Қазақстан
e-mail: anastassiyakiriienko86@gmail.com, orchid id: 0000-0003-1839-3108

Андатпа. Мақалада М.Елизаровтың «Текшелер» (2008) жинағындағы «Ұрланған көздер» әңгімесі танымдық-психоаналитикалық әдеби сын тұрғысынан талданады. Сюжетті құру мен кейіпкерлердің іс-әрекетін ынталандыру үшін қозғаушы және орталықтандырушы күш ретінде әрекет ететін архаикалық рәсім, посткеңестік дәуірдің сын жылдарында өзекті болған «халықтық православиенің» діни санасы мен тәжірибесі зерттеледі. 1990 жылдардың аяғында көпшілікке қолжетімді болған псевдоокультуртік әдебиет Кеңес өкіметі жылдарында шіркеулік өмір тәжірибесінен айырылған адамдардың күнделікті өмірінде сұранысқа ие болды. Бұл мақалада көркем әдебиеттегі «ауылдық сиқыр» мен «халық православиесінің» ұқсас симбиозы М.Елизаровтың «Ұрланған көздер» әңгімесі мысалында қалай құрылғанын қарастырамыз. Ауылдық жерлерде бар және әңгімеде сипатталған жеке әдет-ғұрыптарды зерттеу тек осы оқиғаны түсінуге және түсіндіруге кілт береді, сонымен қатар автордың бұрын негізінен қарастырылған басқа шығармаларымен параллельді жасайды. кеңестік мифтің деконструкциясы. Сондай-ақ мақалада намаз кезінде мидың жұмысын бақылау мақсатында жүргізілген медициналық эксперимент деректері және даму динамикасы бойынша кейіпкердің жағдайына ұқсас «обсессия» және діни психоз күйіне түскен адамдардың психикалық жағдайы туралы

деректер келтірілген. Бұл зерттеудің маңыздылығы мынада: М.Елизаров прозасы бұрын танымдық поэтика, психоаналитикалық әдебиеттану әдістері арқылы қарастырылып, зерттелмеген. Бұрын жарияланған еңбектерде ырым кеңестік мифтің деконструкциясының жанама әсері ретінде қарастырылады. Бұл мақалада баяндау барысын басқаратын архаикалық рәсімнің орталықтандырушы рөлі көрсетілген. Бұл зерттеудің практикалық маңыздылығы алынған нәтижелерді әдебиеттану, соңғы орыс әдебиеті және психоаналитикалық әдебиеттану курстарына материалдар дайындауда пайдалануға болатынында.

Тірек сөздер: когнитивті поэтика, психоаналитикалық әдеби сын, архаикалық ритуал, діни сана, алдын ала ырым, постмодерндік мәтін, діни психоз, ырымдар

ARCHAIC RITUAL AND RELIGIOUS CONSCIOUSNESS IN POST-SOVIET SOCIETY (BY THE MATERIAL OF M. YELIZAROV'S STORY "STOLEN EYES")

*Kiriyenko A.G.¹

*¹third year doctoral student, Abai University, Almaty, Kazakhstan

e-mail: anastassiyakiriyenko86@gmail.com, orchid id: 0000-0003-1839-3108

Abstract. The article analyzes the story "Stolen Eyes" from M. Elizarov's collection "The cubes" (2008) in the aspect of cognitive and psychoanalytic literary criticism. The archaic ritual, which acts as a driving and centralizing force for constructing the plot and motivating the actions of the characters, the religious consciousness and practices of "folk Orthodoxy", actualized in the critical years of the post-Soviet era, is studied. Pseudo-occult literature, which became publicly available at the end of the 1990s, turned out to be in demand in the daily life of people who had lost the practice of church life during the years of Soviet power. In this article, we consider how a similar symbiosis of "village magic" and "folk Orthodoxy" in fiction is based on the example of M. Elizarov's story "Stolen Eyes". The study of individual ritual practices that exist in rural areas and are described in the story provides the key to understanding and interpreting not only this story, but also draws a parallel with other works of the author, which were previously considered mainly from the perspective of the deconstruction of the Soviet myth. The article also provides data from a medical experiment conducted to monitor the work of the brain during prayer and data on the mental state of people arriving in a state of "obsession" and religious psychosis, similar in development dynamics to the state of the protagonist. The significance of this study lies in the fact that M. Elizarov's prose has not previously been considered and studied using the methods of cognitive poetics, psychoanalytic literary criticism. In previously published works, the ritual is seen as a side effect of the deconstruction of the Soviet myth. This article displays the centralizing role of the archaic ritual, which directs the course of the narrative. The practical significance of this study lies in the fact that the results obtained can be used in the preparation of materials for courses in literary criticism, the latest Russian literature, and psychoanalytic literary criticism.

Keywords: cognitive poetics, psychoanalytic literary criticism, archaic ritual, religious consciousness, preliminary rites, postmodern text, religious psychosis, superstition

Статья поступила 28.04.2023